

УДК 141.319.8:316.6:159.9
doi:10.35853/vestnik.gu.2026.14-2.12
5.7.7.

Переживание времени в экстремальных условиях (на примере жизни спецподразделений в условиях СВО)

Александра Вячеславовна Лукьянова¹, Роман Владимирович Черепанов²

^{1,2}Военная ордена Жукова Академия войск национальной гвардии
Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

¹blacalex@yandex.ru

²R.V.Cherepanov@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0009-1345-1277>

Аннотация. Статья посвящена исследованию жизни в режиме «здесь и сейчас» как особой формы темпорального опыта, возникающей в экстремальных условиях профессиональной деятельности. На примере военнослужащих спецподразделений, участвующих в боевых действиях (включая опыт специальной военной операции), авторы показывают, что ориентация сознания исключительно на «здесь и сейчас» является не просто психологическим защитным механизмом, но и фундаментальным способом структурирования реальности в ситуациях непосредственной угрозы жизни. В работе применяется междисциплинарный подход, сочетающий методы философской антропологии, социологии культуры и военной психологии; эмпирическую базу составляют интервью и анализ неформальных практик субкультуры спецподразделений. Особое внимание уделяется роли мифологического мышления и коллективной памяти в переработке травматического опыта. Выявлено, что подобная временная ориентация в данной среде существует в двух основных формах: ситуативной (адаптивной) и укорененной в повседневной служебной деятельности, где она срастается с циклическим временем мифа и ритуала. Анализируется механизм мифологизации ключевых событий (гибель товарища, успешная операция), вокруг которых выстраивается система корпоративных норм, табу и идентичностей. Фигура командира выступает символическим центром, организующим «эпохальное» восприятие времени. Показано, что такое восприятие времени в субкультуре спецподразделений выполняет не только защитную, но и смыслообразующую функцию, превращая хаотичный экстремальный опыт в устойчивую ценностно-нормативную систему, обеспечивающую психологическую устойчивость и групповую сплоченность в условиях перманентной опасности.

Ключевые слова: переживание времени, темпоральный опыт, экстремальные условия, спецподразделения, мифологическое мышление, психологическая адаптация

Для цитирования: Лукьянова А. В., Черепанов Р. В. Переживание времени в экстремальных условиях (на примере жизни спецподразделений в условиях СВО) // Вестник Гуманитарного университета. 2026. Т. 14, № 2. С. 128–136. DOI 10.35853/vestnik.gu.2026.14-2.12.

Experiencing Time in Extreme Conditions (By the Example of Special Forces in the Conditions of the SMO)

Alexandra V. Lukyanova¹, Roman V. Cherepanov²

^{1,2}Military Zhukov's Order Academy of the National Guard Troops
of Russian Federation, St. Petersburg, Russia

¹blacalex@yandex.ru

²R.V.Cherepanov@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0009-1345-1277>

Abstract. The article is devoted to the study of life in the “here and now” mode as a special form of temporal experience that emerges in extreme conditions of professional activity. Using the example of special forces soldiers participating in combat operations (including the experience of a special military operation), the authors show that the focus of consciousness on the “here and now” is not just a psychological defense mechanism, but also a fundamental way of structuring reality in situations of immediate life-threatening situations. The article employs an interdisciplinary approach that combines methods of philosophical anthropology, cultural sociology, and military psychology. The empirical basis consists of interviews and analysis of informal practices of the special forces' subculture. The authors emphasize the role of mythological thinking and collective memory in the processing of traumatic experiences. It is revealed that this temporal orientation exists in two main forms in this environment: situational (adaptive) and rooted in everyday service activities, where it merges with the cyclical time of myth and ritual. The article analyzes the mechanism of mythologizing key events (the death of a comrade, a successful operation), around which a system of corporate norms, taboos, and identities is built. The figure of the commander acts as a symbolic center that organizes the “epochal” perception of time. It is shown that this perception of time in the given subculture performs not only a protective, but also a meaning-creating function, transforming chaotic extreme experiences into a stable value-normative system that ensures psychological stability and group cohesion in conditions of constant danger.

Keywords: experiencing time, temporal experience, extreme conditions, special forces, mythological thinking, psychological adaptation

For citation: Lukyanova AV, Cherepanov RV. Experiencing Time in Extreme Conditions (By the Example of Special Forces in the Conditions of the SMO). *Vestnik Gumanitarnogo universiteta = Bulletin of Liberal Arts University*. 2026;14(2):128-136. (In Russ.). DOI:10.35853/vestnik.gu.2026.14-2.12.

Введение

Важной содержательной характеристикой культурного пространства социальной общности является разделяемое ее членами переживание социального времени, а также ценностное отношение к прошлому, настоящему и будущему.

Представления о настоящем, прошлом и будущем, как и взаимосвязь между ними, носят конкретно-исторический и социально обусловленный характер (см.: [Галич 2018, с. 115–116]). Специфика восприятия времени составляет одну из ключевых особенностей повседневности, которую связывают со «стандартным временем трудовых ритмов», конституирующим повседневный опыт.

В трудах теоретиков, исследующих переходные этапы общественного развития, подчеркивается ключевое значение образа будущего для переживания настоящего. Этим объясняется избирательный характер кризиса сознания: он сопутствует не всяким социальным потрясениям и культурным сдвигам, а лишь тем, которые сопровождаются девальвацией оптимистического восприятия будущего и утратой уверенности в нем. Таким образом, именно конфигурация образа будущего детерминирует восприятие настоящего.

В философии XX века, прежде всего в экзистенциализме, происходит переосмысление темпоральности: ключевым модусом существования признается настоящее. В данной парадигме временность концентрируется именно в настоящем, тогда как прошлое и будущее интерпретируются как его структурные компоненты. Подобная темпо-

ральная модель с особой силой проявляется в ситуациях, где исчезает уверенность в наступлении завтрашнего дня, – прежде всего в экстремальных или боевых условиях. Ярким современным примером служит опыт участников специальной военной операции на территории Украины, связанный с непосредственной защитой национальной безопасности России. В такой обстановке жизнь и сознание закономерно концентрируются на сегодняшнем дне, а планирование будущего и постановка отдаленных целей отступают на второй план. Эта ориентация формирует особый тип темпорального отношения – доминирование настоящего во временной структуре личности.

Материалы и методы

В данном исследовании применялся комплексный качественный метод, основанный на междисциплинарном подходе, синтезирующем социологию культуры, философскую антропологию и военную психологию. Основная цель работы состоит в выявлении специфики восприятия времени (темпоральных ориентаций) в субкультуре сотрудников специальных подразделений, действующих в экстремальных условиях. Для ее достижения использовался исследовательский дизайн, включающий два ключевых компонента: теоретический анализ концепций времени и мифа, а также качественный анализ эмпирических материалов. Такой подход позволяет не только концептуализировать феномен доминирования настоящего в восприятии времени в философско-социологической перспективе, но и верифицировать теоретические положения на конкретном эмпирическом материале, отражающем опыт участников боевых действий.

Основные положения

Рассматриваемый феномен выходит за рамки как философской рефлексии, так и ситуативной психологии экстремальных состояний. В социологии он часто трактуется как устойчивая характеристика определенных социальных условий, прежде всего – периодов нестабильности и кризисов, присущих обществам переходного периода. В наибольшей степени он свойствен социальным группам, занимающим нижние ступени стратификационной иерархии. Исключительной ориентацией на настоящее отличаются, например, представители ряда маргинальных групп: бездомные, лица без постоянного заработка. Аналогичное сокращение временной перспективы происходит у людей, оказавшихся в нестабильных или опасных для жизни условиях, таких как участие в боевых действиях, – здесь социологический анализ пересекается с экзистенциальным опытом, но интерпретирует его через призму социальной детерминации.

Данная теоретическая модель находит свое конкретное историческое воплощение в опыте военнослужащих (сотрудников), участвовавших в боевых действиях на Северном Кавказе в 1990-е – начале 2000-х годов. Характерными чертами начальных этапов как этих кампаний, так и первых дней специальной военной операции стали высочайшая интенсивность и обстановка неопределенности, при которой границы между прошлым и настоящим, своими и чужими, а также между пространственными ориентирами оказались размыты.

В таких условиях закономерно формируется особый тип темпорального восприятия, когда сознание концентрируется исключительно на текущем моменте. Ход боевых действий в указанный период отличался высокой динамичностью и отсутствием логично выстроенной стратегии, что лишь усиливало ориентацию на «здесь и сейчас». Согласно документальным источникам и интервью с участниками событий, зачастую было невозможно однозначно определить расположение своих подразделений и отрядов боевиков (см.: [Марков 2011]). Ситуация менялась стремительно: периоды активного противостояния чередовались с перемириями и соглашениями о прекращении огня, которые могли быть в одностороннем порядке нарушены полевыми командирами. В условиях, когда гарантии завтрашнего дня не существовало, сознание закономерно фокусировалось на «здесь и сейчас»; подобная временная ориентация, по всей видимости, способствовала психологической адаптации и позволяла продолжать служебно-

боевую деятельность (см.: [Кузнецова, Черепанов 2018]). Таким образом, в экстремальной обстановке акцентирование ценности настоящего может выполнять адаптивную, терапевтическую функцию – защитного психологического механизма, активирующегося в условиях непосредственной угрозы.

Интересно, что сходную, хотя и концептуально иную модель восприятия времени описывает М. Элиаде в работе «Миф о вечном возвращении». Рассматривая архаическое сознание, он отмечает обесценивание «текущего момента» ради приобщения к сакральному времени цикла, что, по его мнению, свидетельствует не о пессимизме, а об «избытке пессимизма» – вере в грядущее возрождение [Элиаде 2000, с. 106]. Однако если в архаической модели фокус на «сейчас» был способом разорвать связь с профанной историей и войти в вечность, то в случае боевых действий концентрация на текущем моменте – это способ психологически выжить в условиях, где будущее перестало существовать как прогнозируемая категория.

В этой связи принципиально важным оказывается то, как настоящее оценивается самим субъектом. Если оно воспринимается как критическое, то пессимистическая оценка происходящего нередко коррелирует с идеализацией прошлого, тогда как оптимистическое его восприятие, напротив, сопровождается критическим переосмыслением минувшего.

В контексте нашего исследования наблюдается следующая закономерность: гибель военнослужащего (сотрудника) специальных подразделений активирует у сослуживцев и очевидцев ретроспективный поиск предзнаменований – нарушений табу, примет, символов, воспринимаемых как свидетельства хрупкости границы между жизнью и смертью. Такое восприятие времени, движущееся от настоящего к прошлому, раскрывает процесс выстраивания в сознании участников событий причинно-следственной связи, наделяющей трагический исход чертами предопределенности.

Этот ретроспективный поиск знаков и выстраивание причинно-следственных связей является частным проявлением более общего механизма коллективной памяти в спецподразделениях. Здесь прошлое активно моделируется и мифологизируется, причем ключевую роль в этой смысловой реконструкции играет фигура командира (лидера), вокруг которой кристаллизуется восприятие целых периодов в истории подразделения. Можно сказать, что моделирование прошлого в значительной степени детерминировано восприятием этой центральной фигуры.

Командир является не просто носителем должностных полномочий, он олицетворяет собой целый период («мини-эпоху») в жизни коллектива. Оценка этих условных исторических этапов сотрудниками напрямую зависит от степени соответствия действий конкретного командира их коллективным ожиданиям и представлениям об идеальной роли лидера.

В рамках подобного изложения истории подразделения строгая хронология отступает на второй план. Время делится на оппозиции «прежде» и «теперь» (для разграничения прошлого и настоящего) и «есть» и «будет» (для противопоставления настоящего и будущего), что находит отражение в типичных формулировках: «При командире А. было так-то, а сейчас – иначе, поскольку сменилось руководство...»

Это мифологизированное, «эпохальное» восприятие времени, центрированное вокруг фигуры командира, формирует особую темпоральную культуру спецподразделений. В ее рамках складывается и специфическая установка ориентации сознания на настоящее, однако его смысловое наполнение и генезис коренным образом отличаются от описанного ранее ситуативного переживания текущего момента в боевой обстановке.

Повседневный опыт профессиональной деятельности, таким образом, детерминирует специфическую природу данного переживания настоящего момента, который по своему смысловому содержанию приобретает принципиально иное качество. Представляется необходимым разграничивать два модуса переживания настоящего: гедонистический, характеризующийся элиминацией будущего из актуального переживания, и

аномический, обусловленный утратой жизненной перспективы и веры в будущее. Оба типа в равной мере укоренены в непосредственном человеческом опыте.

Что касается категорий оптимизма и пессимизма, то оптимистическая установка, с нашей точки зрения, предполагает наличие временной перспективы и веры в будущее. Конкретное содержание временной ориентации здесь напрямую зависит от характера переживания экстремальных ситуаций: чем выше субъективно воспринимаемый риск для жизни и чем менее вероятным представляется благополучный исход, тем сильнее формируются предпосылки для гедонистического переживания настоящего в ущерб будущему. И напротив, невосполнимые потери подразделяют способствовать формированию у участников событий пессимистического отношения к будущему.

Динамика временных дискурсов в истории спецподразделения – чередование гедонистического и аномического типов (связанное с утратой нормативных ориентиров и жизненных перспектив) – определяется сменой событий гибели и «чудесного» спасения сослуживцев. Эти ключевые эпизоды мифологизируются, вследствие чего линейная историческая перспектива утрачивает свою последовательность, обретая в восприятии участников циклическую структуру. Этот процесс подтверждает наблюдение П. Сорокина о том, что «если чувство истории отсутствует, различие между действительностью и мифом стирается. История мифологизируется» [Сорокин 2000, с. 363].

В рамках такой личной истории подразделения каждый повтор сходной ситуации (например, гибель сотрудника) замыкает символический круг, а изначальное трагическое событие превращается в своеобразный эталон, по отношению к которому интерпретируются все последующие происшествия. Подлинная картина случившегося остается достоянием лишь непосредственных участников событий.

Этот циклический, мифологизированный характер коллективной памяти закономерно актуализирует вопрос о функциональной роли мифа как особой формы осмысления экстремального опыта. Для анализа этой роли необходимо обратиться к более широкому теоретическому контексту.

Легенды, саги, предания традиционно являются очень значимыми в формировании исторического сознания различных социальных групп (см.: [Обрядовая теория мифа 2003]). Это связано с тем, что в обществе сосуществует множество социальных ритмов, детерминированных спецификой коллективной деятельности. Поскольку ритмы функционирования разных общностей и индивидов не совпадают, восприятие социального времени в групповом и индивидуальном сознании также дифференцировано. В этом контексте миф выступает специфической формой организации пространственно-временного континуума, особым образом моделирующей временные отношения и занимающей, таким образом, уникальное место в структуре восприятия действительности.

Объяснительный потенциал архаического опыта осмысления мира, кристаллизованный в мифологических формах, может выполнять компенсаторную и структурирующую функцию для индивидов, неоднократно сталкивающихся с экзистенциальной угрозой небытия. Эта функция становится особенно важной в условиях, схожих со службой в спецподразделениях. Для их сотрудников, физически переживающих время в категориях мгновения между жизнью и смертью, потребность в смысловой завершенности и онтологической определенности приобретает экзистенциальный характер.

Удовлетворению данной потребности способствует сама структура мифа, которая интегрирует элементы, свойственные как архаическому, так и последующим типам мышления. Таким образом, миф предоставляет готовый символический и смысловой каркас для осмысления травматического опыта, преодолевая линейность исторического времени и предлагая вместо него циклические или телеологические модели понимания событий.

Эта фундаментальная амбивалентность и пластичность мифологического времени находит свое прямое отражение в специфическом темпоральном опыте военнослужащих (сотрудников) спецподразделений. В их субъективной реальности общепринятые,

объективированные координаты времени и пространства лишаются своей универсальности.

В мифологическом сознании время предстает в амбивалентном качестве. С одной стороны, оно выступает символом космического порядка, гармонии, справедливости и источника жизни, нередко отождествляясь с актом творения мира или победой божественных сил над хаосом. С другой – время может персонифицировать обман, иллюзию, тайну, разрушение и смерть. Эта двойственность обуславливает синкретизм различных темпоральных моделей в структуре мифа. В нем сосуществуют: линейное историческое время как способ фиксации последовательности событий; идея возвращения к сакральным истокам как основа духовного обновления; циклическое время, отраженное в природных ритмах; мотивы произвольных темпоральных смещений – остановки, «расширения» или «сжатия» времени; а также трансценденция как выход за его пределы.

Именно такая пластичная и многомерная темпоральность оказывается адекватной для описания опыта восприятия времени (и пространства) в экстремальных условиях, когда неприменима универсальная абсолютная шкала. Фиксированные промежутки между событиями и объективные пространственные дистанции теряют значение, уступая место субъективной мере, которая зависит исключительно от интенсивности переживания экстремальной ситуации. Последующая систематизация и схематизация переживания осуществляется в процессе коллективной рефлексии участников события (при его групповом характере). Наряду с этим, индивидуальная оценка временных параметров и интенсивности, будучи озвученной и легитимированной, также инкорпорируется в коллективную память подразделения.

В любом случае, при трансформации реального события в миф время начинает выполнять специфическую функцию. Проявляясь через воспроизводство архетипического действия, имевшего место в сакральном прошлом, оно погружает человека в особое символическое поле. В этом поле субъект, переставая существовать как целостность в профанной реальности, экзистенциально проживает эпизоды чередования двух автономных порядков бытия – профанного и сакрального.

Это переживание находит свое прямое воплощение в мифологии, где переход героя между профанным и сакральным временем становится центральным сюжетобразующим элементом. Классическим примером такой трансформации служит противопоставление архаического и современного героя.

Подобное мифологическое структурирование времени, основанное на придании ему ценностно-смыслового измерения, не является исключительным достоянием древних эпических или современных кинематографических текстов. Оно активно воспроизводится в субкультуре спецподразделений, где определяется фундаментальной дуальностью бытия военнослужащих (сотрудников), существующих в двух принципиально разных реальностях (см.: [Лукиянова. О необходимости ... 2009; Лукиянова. Ценностные основы ... 2009; Сучков 2025]).

Профанное время является уделом обычных людей, тогда как сакральное время принадлежит героям (см.: [Элиаде 1987]). Вместе с тем человек обладает потенциальной возможностью выхода из профанного временного потока и приобщения к вечности. Если в древнешумерском «Эпосе о Гильгамеше» Энкиду, покидая мир природы и вступая в мир цивилизации через усвоение пищи, одежды и законов, отказывается от вечности в пользу человеческого удела, то герой мифа информационного общества – Джон Рэмбо – совершает противоположный переход. Отторгнутый социумом, он покидает профанный мир и линейное историческое время, вступая в сакральное пространство и циклическое время. Его путь пролегает из мира культуры в мир природы – в Лес, где, сняв одежду и умертвив кабана, он поедает его сырым, отказываясь от приготовленной пищи, что отсылает к оппозиции «сырого» и «приготовленного» К. Леви-Стросса [Леви-Стросс 1999] и исканиям Л. Леви-Брюля, считавшего первобытное мышление эмоциональным, не знающим противоречий, «мистически сопричастным»

[Леви-Брюль 1994]. Спасаясь от преследования, герой спускается в катакомбы – символический мир мертвых – и тем самым обретает статус Героя, т. е. бессмертного.

Аналогичное ценностно-смысловое структурирование времени и пространства характерно и для субкультуры спецподразделений. Оно обусловлено бинарной оппозицией двух плоскостей бытия, в которых существуют служащие: мир «точки постоянной дислокации» (база, место обычной службы) и мир «территории боевых действий». Эта оппозиция параллельна противопоставлению периодов относительной стабильности и безопасности – периодам проведения боевых операций. В рамках данной субкультуры мифологическому переосмыслению, как правило, подвергаются события, связанные с моментами наивысшей опасности для существования отдельных сотрудников, групп или подразделения в целом.

Все, что происходит в ходе служебной командировки (на «чужой территории»), приобретает качественно иной, гипертрофированный смысл. Действия, которые в условиях постоянной дислокации могли бы быть списаны на нелепую случайность, недоразумение или халатность, в зоне боевых действий трактуются как недопустимые проступки или преступления. Показательным примером может служить отношение к употреблению алкоголя. Если по месту постоянной дислокации и вне службы к позволившему себе могут отнестись лояльно, то в условиях командировки он потеряет право служить в отряде. Даже если сей факт останется неизвестным командованию, сотрудник безвозвратно теряет авторитет и доверие сослуживцев, а также рискует подвергнуться жестким неформальным санкциям, вплоть до физического воздействия.

Таким образом, усиление мифологизации и ригидность традиций в условиях постоянной опасности являются не случайной реакцией, а проявлением более универсального культурного механизма. Этот механизм восходит к фундаментальным свойствам мифологического времени, которое в своей основе является циклическим и ориентированным на воспроизводство апробированного образца.

Восприятие первых командировок как инициации, а последующих – как рутины, указывает на важный нюанс: даже внутри жестко структурированной циклической модели происходит внутренняя смысловая динамика. Каким образом мифологические схемы и ритуалы материализуются в повседневных практиках и неформальных кодексах поведения спецподразделений?

Время мифа по своей сути является временем циклическим, что для традиционного общества было единственно возможной формой темпоральности. Поскольку любое нововведение могло повлечь гибель общины, предпочтение отдавалось поведенческим паттернам и деятельностным образцам, верифицированным предшествующим опытом и санкционированным мифологической традицией. Последняя, обеспечивая устойчивость социальных ритмов и целостность коллективного знания, выполняла функцию защиты от регресса и хаоса. Ограничение инноваций, таким образом, было направлено на сохранение культурного идеала и недопущение его эрозии.

Экзистенциальная динамика субкультуры специальных подразделений демонстрирует прямую корреляцию между частотой переживания витальной угрозы и степенью мифологизации корпоративной среды, а также ригидностью традиционных регулятивов. Сакральное измерение, конституирующее высший ценностный образец, актуализируется посредством циклической темпоральности мифа, выполняющей компенсаторную функцию в условиях дефицита онтологической стабильности. Циклическая парадигма (повтор, репродукция, схематизация) оптимально отвечает экзистенциальной потребности в когнитивном упорядочивании событий, угрожающих целостности рациональной картины мира (военные действия, катастрофы, смерть).

Циклическость мифологического мышления, основанная на воспроизведении архетипических, проверенных опытом сценариев, обладает значительным психотерапевтическим (адаптивным) потенциалом. Отсылка к первобытию или историческому прецеденту, освященному мифом, снимает необходимость рефлексии об истинности избранных форм деятельности, а стремление действовать «завершенными циклами»

свидетельствует о сознательном выборе в пользу проверенных моделей в ущерб новациям и развитию. Именно поэтому для сотрудников спецподразделений первые командировки и боевые задания представляют собой сакральный акт-инициацию, в то время как последующие постепенно воспринимаются как обыденная работа.

Заключение

Проведенный анализ восприятия времени в условиях экстремальных ситуаций позволяет сделать вывод о формировании в спецподразделениях уникальной темпоральной культуры, которая выступает комплексным адаптивным механизмом в условиях перманентной экстремальности. Ее ядро составляет специфический феномен – ориентация сознания на «здесь и сейчас», – однако его природа и содержание радикально отличаются от классического социологического понимания этого явления как признака социальной дезадаптации.

Как показало исследование, в субкультуре спецподразделений презентизм выполняет психозащитную и смыслообразующую функцию. В боевой обстановке он способствует концентрации на выживании, а в повседневном опыте службы трансформируется в основу для выработки коллективных норм и ритуалов. Ключевым инструментом осмысления травматического опыта и структурирования этой культуры становится мифологическое мышление, которое придает событиям завершенность и цикличность, преодолевая хаотическую линейность исторического времени.

В мифологии специального подразделения действуют принципы организации смыслообразующих структур, аналогичные архаическому мифу, с тем принципиальным отличием, что функцию божественного первособытия – акта творения – здесь выполняет исторический прецедент (первая успешная операция, гибель первого товарища, действие легендарного командира). Подобное событие обладает тенденцией к самоактуализации во времени, при которой каждый акт его символического воспроизводства переводит его из профанного ряда в сакральный, превращая в эталон для оценки всех последующих ситуаций.

Таким образом, коллективная память подразделения строится не на хронологии, а на циклическом повторении и мифологизации ключевых событий, что создает ощущение предопределенности и порядка. Фигура командира, жесткие традиции, бинарное деление реальности на «свою» и «чужую» территории, сакрализация первых командировок – все эти элементы служат одной цели: обеспечить психологическую устойчивость и групповую сплоченность в условиях, где будущее непредсказуемо, а прошлое травматично.

Следовательно, наблюдаемые процессы – не признак архаизации сознания, а эффективная культурная технология, позволяющая преобразовать опыт непосредственной смертельной опасности в устойчивую систему ценностей, норм и идентичностей, которая обеспечивает функционирование спецподразделений в экстремальных условиях. Эта модель демонстрирует, как в ограниченных социальных группах под давлением внешних угроз историческое время может сворачиваться в мифологический цикл, где прошлое, настоящее и будущее соединяются не причинно-следственными связями, а смысловым подобием, обеспечивая тем самым непрерывность группы и ее внутреннюю жизнеспособность.

Список источников

- Галич Л. П. Прошлое, настоящее, будущее – сходство и различия в оценках белорусов и россиян // Социологический альманах. 2018. № 9. С. 114–122.
- Кузнецова Л. Э., Черепанов Р. В. Психологическое сопровождение военнослужащих с посттравматическим стрессовым расстройством, переживших экстремальные ситуации профессиональной деятельности // Гуманизация образования. 2018. № 5. С. 124–129.
- Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М. : Педагогика-пресс, 1994. 602 с.

- Леви-Строс К. Мифологии : в 4 т. Т. 1 : Сырое и приготовленное. М. ; СПб. : Университетская книга, 1999. 406 с.
- Лукьянова А. В. О необходимости изучения субкультуры спецподразделений силовых структур в военных вузах // *Философия образования*. 2009. № 3 (28). С. 233–239. EDN KVHFFL.
- Лукьянова А. В. Ценностные основы субкультуры российских спецподразделений // *Социология власти*. 2009. № 2. С. 53–60.
- Марков Е. А. Первая Чеченская война в материалах российских СМИ // *Теория и практика общественного развития*. 2011. № 2. С. 179–182. EDN NQZPPZ.
- Обрядовая теория мифа : сборник научных трудов / сост., перевод, предисл. и примеч. А. Ю. Рахманинова. СПб. : Изд. дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2003. 216 с.
- Сорокин П. Социальная и культурная динамика: исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений / пер. с англ. В. В. Сапова. СПб. : Алетейя, 2000. 688 с.
- Сучков В. Н. Проблемы цифровой социализации курсантов военных образовательных организаций высшего образования войск национальной гвардии Российской Федерации // *Российский военно-психологический журнал*. 2025. № 3 (9). С. 93–101. DOI 10.25629/RMPJ.2025.03.09.
- Элиаде М. Избранные сочинения: Миф о вечном возвращении ; Образы и символы ; Священное и мирское : пер. с фр. М. : Ладомир, 2000. 414 с.
- Элиаде М. Космос и история : Избранные работы : пер. с фр. и англ. / общ. ред. И. Р. Григулевича, М. Л. Гаспарова; вступ. ст., коммент. Н. Я. Дараган ; послесл. В. А. Чаликовой. М. : Прогресс, 1987. 312 с.

Информация об авторах

Александра Вячеславовна Лукьянова, канд. филос. наук, доцент кафедры философских и социально-экономических дисциплин, Военная ордена Жукова Академия войск национальной гвардии России (Санкт-Петербург, Россия).

Роман Владимирович Черепанов, адъюнкт адъюнктуры и докторантуры научно-исследовательского центра, Военная ордена Жукова Академия войск национальной гвардии России (Санкт-Петербург, Россия).

Information about the authors

Alexandra V. Lukyanova, Cand. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof. of the Department of Philosophical and Socio-Economic Disciplines, Military Zhukov's Order Academy of the National Guard Troops of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia).

Roman V. Cherepanov, Adjunct and Doctoral Programs Candidate at the Scientific Research Center, Military Zhukov's Order Academy of the National Guard Troops of Russian Federation (St. Petersburg, Russian Federation).

Статья поступила в редакцию | Submitted 03.03.2026.

Одобрена после рецензирования | Revised 24.03.2026.

Принята к публикации | Accepted 25.03.2026.